

Митрополит Иларион: В кинематографе должно быть выражено нравственное начало

16 мая 2015 года гостем передачи «Церковь и мир», которую ведет на телеканале «Россия-24» митрополит Волоколамский Иларион, стал народный артист России, кинорежиссер Николай Досталь.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры! Вы смотрите передачу «Церковь и мир». Сегодня мы поговорим о реализме в современном кинематографе. У меня в гостях – народный артист России, кинорежиссер Николай Досталь. Здравствуйте, Николай Николаевич!

Н. Досталь: Добрый день, владыка!

Моя последняя картина «Раскол» – многосерийный телевизионный фильм, который я снимал для телеканала «Россия» – очень важный этап и в моей жизни, и в моем творчестве. Это очень серьезная работа, потому что сама тема раскола, само слово «раскол», к сожалению, очень живучее, я бы даже сказал обиходное.

В какой-то степени раскол дошел и до наших дней. Я говорю не только про Церковь, а вообще про Россию, про общество. Помню, как Александр Исаевич Солженицын говорил, что если бы не было XVII века, может быть, не было бы и 1917 года. Ведь XVII век в истории России назван «бунташным веком», ибо помимо раскола были еще Медный и Соляной бунт, восстание и народная война Степана Разина. Этот век насыщен такими драматическими событиями, которые значительно подрывали развитие державы и положение ее власти. Но самое главное – произошел раскол Русской Православной Церкви.

Митрополит Иларион: Прежде всего, должен Вас поздравить с большой творческой удачей. Видно, какой огромный труд, в том числе исследовательский, был вложен в подготовку этого фильма, ведь перед Вами стояла задача полностью воссоздать ситуацию XVII века. Я представляю, как это не просто с технической стороны, но, конечно, еще сложнее это с точки зрения сюжета, сюжетных линий. И образ протопопа Аввакума, который в сюжете фильма является центральным, как, собственно, и во всей истории раскола, на мой взгляд, Вам очень удался.

У Вас получилось удержать внимание зрителя на протяжении такого количества времени, не упустив ни одну из деталей. Ваша картина производит впечатление достоверной, и зритель не

чувствует себя в театре, где актеры просто играют роли, а полностью погружается в ту сложную ситуацию, которая, действительно, сказалась на всем последующем развитии нашей истории. Ведь раскол, зародившись в умах людей, в итоге разделил общество и привел к Гражданской войне. И до сих пор эта рана остается неуврачеванной, и те события, которые тогда имели место, до сих пор сказываются на всей нашей жизни.

Н. Досталь: Я с Вами полностью согласен. Еще хочу сказать о не менее трагичной фигуре – Патриархе Никоне. Если говорить о протопопе Аввакуме (старообрядцы делают ударение на втором слоге, и такое произношение мы сохранили в нашем фильме), то его путь ясен и как бы логичен. Но Патриарх Никон, который ввел реформы, по которым до сих пор живет Церковь, 15 лет провел, можно сказать, в заточении. Для меня лично фигура Никона остается трагической. И в фильме мы постарались показать его образ именно таким. По крайней мере, у меня к нему есть какое-то сострадание: все его реформы вошли в жизнь, а сам он был низвержен.

Митрополит Иларион: Фигура Патриарха Никона - трагическая во многих отношениях, но нельзя забывать и о тех серьезных ошибках, которые он допустил, ведь Церковь – это не такой организм, где легко проходят реформы. И прежде чем проводить какую-либо реформу, нужно обеспечить тылы. Сейчас может показаться даже странным, что Церковь раскололась из-за возникших разногласий в таких, например, вопросах, как креститься – двумя перстами или тремя; как писать имя «Иисус» – с одной буквой «и» или с двумя. Но ведь всеми этими, казалось бы, обрядовыми мелочами, люди видели отступление от отеческой веры.

Совсем недавно я впервые в своей жизни служил Божественную литургию по старому чину. У нас есть единоверческий приход – храм Покрова Пресвятой Богородицы в Рубцове. Я много раз посещал этот приход, но никогда не служил там Литургию. Был какой-то психологический страх сделать что-то не так. Но не так давно я, с Божией помощью, подготовился, и мы отслужили Литургию. Крестились двумя перстами. Пение было знаменное. Это производит очень сильное впечатление, потому что это реальное аутентичное пение, которое звучало в XVII веке.

Н. Досталь: Пение замечательное. Оно ведь и сейчас практикуется. В Русской Православной Церкви оно же не изъято из практики?

Митрополит Иларион: Оно не изъято, но употребляется довольно редко, потому что так называемое партесное, четырехголосное пение почти повсеместно вытеснило знаменный распев.

Мы с Вами хотели немного поговорить о реализме в киноискусстве. В своих фильмах Вы часто обращаетесь к историческим темам, и при этом абсолютно реалистично (насколько это сейчас можно воспроизвести) показываете ту ситуацию, которая существовала в те годы. Но Вы, конечно,

обращаетесь и к современной тематике.

Не так давно в обществе широко обсуждался фильм «Левиафан», вызвавший много споров, ибо в нем, как кажется на первый взгляд, показана некая реалистичная картина, но с другой стороны, эта картина многим представляется совсем не реалистичной. Как Вы восприняли этот фильм?

Н. Досталь: Мне кажется, что все-таки картина реалистична, но бывают переборы, когда сгущаются, утрируются определенные ситуации, характеры персонажей. И это все вызывает недоверие. В "Левиафане" это как раз присутствует. Особенно это касается образов мэра и священнослужителя. Такие персонажи, может, и встречаются в реальной жизни, но когда их показываешь в большом фильме, тем более на всю Россию, то они становятся почти типичными, не единичными. Так быть не должно и для меня лично это перебор.

Митрополит Иларион: Существует такой жанр политической сатиры или социальной сатиры, как, например, сатирический роман «История одного города» Салтыкова-Щедрина.

Н. Досталь: Но это другой жанр. Там это позволительно.

Митрополит Иларион: Да, и читатель понимает, что имеет дело с некой карикатурой, фарсом, шаржем. Это можно назвать как угодно. Или, допустим, «Мертвые души» Гоголя.

Но в данном случае речь идет о картине, которая должна отражать реальную жизнь людей. Фильм начинается с прекрасных пейзажей северной природы. Показывается реальный поселок, невыдуманный. Но потом разворачивается действие, которое, с одной стороны, реалистично, ибо оно показывает как живет, по-видимому, какой-то сегмент нашего общества, но, с другой стороны, возникает вопрос: почему в фильме показано только это? Вот меня, например, первые полчаса просмотра (я смотрел нецензурированную версию) не покидало желание встать и выйти, потому что в фильме через каждые пятнадцать секунд – матерное слово.

Вроде было и распоряжение Президента, что не должно быть употребление матерных слов в кино, литературе, СМИ и на телевидении... Отвращение к матерной лексике мне привили с детства, и я ни разу в жизни не произнес ни одного матерного слова. Даже когда служил в армии, надо мной первое время смеялись, что я не использую нецензурную лексику. Но под конец мои сослуживцы и сами старались при мне не ругаться матом. И я не понимаю, почему в кинофильме, который должен являться произведением искусства, может быть позволено такое систематическое, назойливое, навязчивое употребление матерной лексики.

В фильме еще показано и поголовное пьянство, там все непрерывно пьют, и практически нет

трезвых людей. Да, действительно, у нас есть проблема алкоголизма, серьезная проблема, но разве у нас нет непьющих людей? Разве у нас нет вообще нормальных людей? В «Левиафане» же нет ни одного положительного персонажа, все отрицательные.

Н. Досталь: Владыка, я не люблю давать оценки фильмам моих коллег, это такое неблагородное дело. Но в данном случае у меня претензии к сценаристу этого фильма, к сценарию, в котором много необоснованных, неоправданных драматургических неувязок.

По поводу мата могу сказать следующее: если это возможно, то его надо избегать. Мат в картине можно употреблять лишь в исключительных случаях, если, например, это фильм про лагерь или фронт. Например, у меня он есть в фильме «Штрафбат», и то – это не откровенный мат, а ругательные слова, которые, в общем-то, и не считаются нецензурной бранью. В целом же, к мату я отношусь отрицательно, и не важно, что у фильма есть возрастное ограничение (18+) – мне самому неприятно слышать матерщину. Я считаю, что режиссер в своем фильме вполне может обойтись без подобной лексики, не испортив при этом ни характер, ни сцену.

Митрополит Иларион: Еще надо сказать, что в этом фильме Церковь представлена как составная часть этого гротескного общества; как институт она оказывается страшным злом, ибо не выводит человека из порочного круга, не дает никакой надежды в абсолютно беспросветно изображенном обществе.

Архиерей, который представлен в фильме, в картонном клобуке, производит впечатление плохого актера, изображающего из себя священнослужителя. Церковь изображена неестественно, не аутентично. Для верующих, церковных людей сразу очевидно, что фильм снял человек не только не симпатизирующий Церкви, но и малознакомый с реальностью церковной жизни. Ведь как бы там ни было, наши люди действительно живут по-разному: кто-то лучше, кто-то хуже, но при этом в Церковь-то идут, потому что в Церкви каждый человек обретает надежду.

У нас есть огромное количество примеров из нашей классической литературы, из кинематографа, где роль Церкви представлена вполне адекватно. Но зачем сейчас рисовать такую карикатуру на Церковь?

Н. Досталь: При том, что, наверное, мы вполне можем встретить в жизни священника, который недостоин своего сана.

Митрополит Иларион: В жизни встречаются разные священники.

Н. Досталь: Да, но показывать в кино – это всегда обобщать. Кино все делает типическим.

Ошибка Звягинцева в том, что нельзя обобщать, ведь если, например, в фильме несправедливость покрывается клириком, это всегда вызывает у зрителя ожидаемые эмоции относительно священнослужителей и их миссии в целом. Если мы снимаем документальный фильм, где рассказываем о каком-то человеке, который ведет, скажем, порочную жизнь – это одно. Но художественный фильм мы всегда воспринимаем как некое обобщение. Здесь я с Вами полностью согласен, режиссер и вправду не ведал, что творил со своим персонажем.

Митрополит Иларион: Помимо всех деталей есть еще и общее ощущение от фильма. Когда он заканчивается, ты остаешься с неким послевкусием, и возникает вопрос: для чего, собственно, снят этот фильм? Какой он несет в себе, как сейчас говорят, месседж? Я в этом фильме услышал единственный месседж: уезжайте из этой страны, пока не поздно. Здесь все отвратительно, все беспросветно. Если можете уехать – уезжайте.

Конечно, нам нужно реалистичное кино. Мы не должны скатываться в так называемый социалистический реализм, который приукрашивал бы всю действительность. Но мы не должны впадать и в обратную крайность. Хотелось бы, чтобы у нас и на телевидении, и в кино было больше добрых примеров, чтобы кино несло нравственный заряд – то, чего сейчас так не хватает людям.

Зачастую люди, работающие в кинематографе, на телевидении, говорят: «Наша задача – не формировать, а отражать действительность». Но, во-первых, отражать действительность можно по-разному. Ее можно отразить субъективно. Во-вторых, во многом как раз телевидение и кино формируют действительность, потому что через это отражение закладываются некие стандарты, которые люди волей-неволей потом воспроизводят в жизни. Ведь зритель начинает видеть мир глазами тех режиссеров, которые ставят такие фильмы.

Н. Досталь: Я понимаю, о чем Вы говорите. И я, конечно, за то, чтобы зритель из зала уходил с позитивным настроением. Кино не может изменить жизнь, но оно может изменить отношение человека к жизни и отношение людей друг к другу.

Я стараюсь, чтобы мои фильмы были таковыми. Мне по душе фраза лауреата Нобелевской премии Альберта Швейцера: «Мои знания пессимистичны, но моя вера оптимистична». Этой мысли я стараюсь следовать и в своей работе, и в жизни.

Митрополит Иларион: Подлинный реализм заключается в том, чтобы видеть жизнь во всем ее многообразии, чтобы видеть и светлые, и темные ее стороны. Но каждый человек, который производит на свет некий продукт, должен понимать, для чего он его производит. Если это пищевой продукт, значит надо понять, с чем его будут есть, какой у него будет вкус: сладкий, соленый, будет это вкусно или нет. Если речь идет о творческом продукте, то, наверное, первый

вопрос, который должен себе задать художник, кинорежиссер или сценарист – для чего он это делает? С какими чувствами и эмоциями люди выйдут из кинотеатра после просмотра его фильма?

Н. Досталь: Да, конечно. Если говорить о моих работах, то у меня не было ни одного фильма без света в конце туннеля. Этот свет должен быть обязательно. Иначе тупик. Для чего мы тогда живем? Для чего человек существует? Вы говорите про фильм «Левиафан», но можно привести в пример и другие фильмы, которые не вызывают никаких положительных эмоций. Например, фильм «Трудно быть богом». Вы видели эту картину?

Митрополит Иларион: Нет, не видел. Я вообще редко смотрю фильмы.

Н. Досталь: Мне было интересно посмотреть этот фильм, потому что Алексей Германов-старший, действительно, талантливый человек. Но когда я посмотрел эту картину, я был ею просто раздавлен. Света в конце туннеля там не предвидится. Даже такие большие художники, как Алексей Германов-старший, иногда снимают фильмы, после которых не ощущается желание жить, творить, вообще существовать в этом мире.

Митрополит Иларион: У нас много прекрасных примеров высококачественного кинематографа. Это и фильмы Эльдара Рязанова, которые знает вся страна, и фильмы современных кинорежиссеров, например, Павла Лунгина, и, конечно же, Ваши фильмы.

У нашего кинематографа есть все возможности для того, чтобы оказывать на людей положительное воздействие. Но для этого в кинематографе, прежде всего, должно быть выражено нравственное начало, ведь если в фильме нравственная составляющая отходит на второй план или вовсе отсутствует, тогда в сознании зрителя складывается образ русского человека в состоянии подавленности и депрессии, и создается такой же образ страны – депрессивный, не соответствующий реальности.

Конечно, у нас есть проблемы. Да, к сожалению, многие люди ругаются матом, актуальна как никогда проблема алкоголизма. Но при всем при этом у нас, все же, есть право на надежду, на свет в конце туннеля, ибо у нас есть Церковь, которая каждому протягивает руку помощи. И помимо нравственных и социальных проблем нашего общества, у нас, все же, есть и много прекрасного, что может запечатлеть кинокамера.

Служба коммуникации ОВЦС